

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОПАТОЛОГИЯ

Белый психоз: по следам А. Грина и Ж.-Л. Донне

А. С. Благова

Благова Анна Сергеевна – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психолог.

Несмотря на то что концепция белого психоза Андре Грина и Жан-Люка Донне была сформулирована и обоснована более 50 лет назад и мэтры французского психоанализа, участвующие в психоаналитическом обучении российских специалистов, часто говорят о белом психозе, в России к этой концепции обращаются реже.

На сегодняшний день все еще не переведен фундаментальный труд по белым психозам, отсутствуют научные статьи, и, соответственно, для российских специалистов может теряться такая нозографическая единица, как белый психоз.

В настоящей статье я постаралась как можно подробнее рассмотреть характеристики белого психоза, вслед за авторами концепции опираясь на случай Z, что, на мой взгляд, поможет приблизить читателя к систематизированному пониманию концепции белого психоза.

Ключевые слова: белый психоз, психотическая потенциальность, три-би-ангуляция, работа негатива, паралич мышления, дезинвестирование, пространство одиночества, первосцена, негативная галлюцинация мысли.

Андре Грин и Жан-Люк Донне в своей книге «L'Enfant de ça. Psychanalyse d'un entretien: la psychose blanche», которую можно перевести на русский язык как: «Дитя Оно. Психоанализ одного интервью: белый психоз», изданной в 1974 году, описали и обосновали свою концепцию белого психоза.

Отмечу игру слов в названии книги: «L'Enfant de ça» можно перевести как «дитя (или ребенок) "этого"» – такую фразу и произносит сам пациент в интервью, которое легло в основу иллюстрации концепции, но «Çа» во французском языке обозначает также и «Оно» – инстанцию из второй топики Фрейда.

Книга, не переведенная до сих пор на русский язык, представляет собой фундамент теории белого психоза. Отметим, что, на наш взгляд, изучение белого психоза стало «пуповиной» клиники негатива и изучения пограничных состояний, которые Грин разрабатывал на протяжении всей своей научной деятельности.

Пуповина психоза

Грин и Донне дают следующее определение белого психоза: это психоз без психоза, проанализировав который можно достичь «пуповины психоза» (по аналогии с тем, что Фрейд называл «пуповиной» сновидения), в нем присутствует матричная¹, порождающая структура как условие возможности психотического развития, но без необходимости такого развития (*Donnet, Green, 2004, p. 226*). Нет психотической судьбы, есть психотическая потенциальность, которая базируется на структуре психики и истории, она может проявиться или нет.

Белый психоз не является четко описываемым или легко поддающимся определению и представляет собой скорее комбинацию симптомов, сгруппированных в одно созвездие. Фактически это невидимая структура, редко чистая, всегда ниже или выше того, что пытается определить ее название. То есть она может легко сойти за более или менее невротическое депрессивное состояние или пограничное состояние или даже вписаться в картину, более явно напоминающую психотическую эволюцию без ярких признаков.

Белый психоз похож на экран, на который проецируется сновидение или фильм, или на лист бумаги, на котором что-то может быть написано. Но лист бумаги белый только до того, как на нем что-то написали.

Для того чтобы попробовать разобраться в этой непросто распознаваемой в клинике концепции, нам нужно рассмотреть три критерия, выделенные авторами:

- 1) эдипальная организация: три-би-ангуляция;
- 2) объектные отношения: торможение функции репрезентации;
- 3) ментальное функционирование: блокирование процессов мышления.

Три-би-ангуляция

«Три-би-ангуляция» – это термин, созданный для описания эдипальной организации при белом психозе, которая формально остается триангулярной, но лишена своей половой, сексуальной составляющей. Родители распознаются не в различии своих полов и функций, а исходя из их качества, дуальности «хороший – плохой». Трехстороннее разделение между субъектом, объектом хорошим и объектом плохим фактически приводит к дуальным отношениям, поскольку третий объект всегда оказывается лишь двойником. Глубинное различие объектов строится по критериям:

¹ *Matricielle* (фр.) – матричная, маточная, способная выносить нечто, как matka, порождающая.

«хороший и плохой объект, с одной стороны; ничто (или утрата) и доминирующее присутствие – с другой» (*Green, 1975*).

Плохой объект – это содержимое, которое нужно эвакуировать, а хороший объект – это контейнер для обитания, где надо поселиться, убежище. Цель проективной идентификации – изгнание плохого объекта, интроективной идентификации – сохранение хорошего объекта. Обе терпят неудачу. «Плохой объект – плохой, и только это, хороший объект – исключительно хороший. Амбивалентность отрицается» (*Donnet, Green, 2004, p. 269*).

Поскольку субъект не существует без объекта и поскольку хороший объект всегда находится на грани потери, субъект оказывается изолирован плохим объектом и, как следствие, сам изолирует объект, который паразитирует на нем. В обрамлении плохого объекта, который вмещает образ хорошего – идеального – объекта, последний стирается, чтобы не выглядеть похожим на этот плохой объект. Он превращается в отсутствие, пустоту: вместо идеального становится ничто. «Объект немислим, потому что он плох и поэтому обречен на изгнание, субъект больше не может думать, потому что думать означает необходимость думать о немислимом объекте» (*Donnet, Green, 2004, p. 268*).

Авторы отмечают, что, несмотря на это, реальность объекта хорошо воспринимается: проекция, конечно, значительно изменяет его восприятие, но в строгом значении этого слова не возникает никакого бреда ни в смысле преследования со стороны плохого объекта, ни в смысле защиты со стороны хорошего объекта.

Работа негатива

Негативные процессы и негативная галлюцинация являются неотъемлемыми элементами развития психики. Работа негатива появляется там, где отношения с объектом выстроены на пересечении деструктивных желаний и либидо, происходит конфликт между желанием полного удовлетворения и отказом от него, негатив же освобождает человека от этого конфликта.

Как отмечают авторы, репрезентация находится между объектом и мыслью; по отношению к объекту действуют две негативности: негативность присутствия, состоящая из ожидания удовлетворения и неизбежного неудовольствия, и негативность репрезентации, которая создает истинное мышление.

Вся психическая продукция находится между двумя пустотами: первичная, исходная пустота – «до» любого желания, в абсолютном спокойствии небытия, и конечная пустота, там, где осуществляется мысль» (*Donnet, Green, 2004, p. 255*).

Между этими двумя крайностями белый цвет сохраняется и подчеркивается в лакуне, пустоте, которая иногда может быть представлена в виде тире между объединенными элементами. Когда этот белый цвет, пустота, вторгается в репрезентацию, чтобы субъект больше не находился между объектами, репрезентациями, мыслями, мы имеем дело с негативной

галлюцинацией. Когда этот белый цвет, вместо того чтобы располагаться между репрезентациями и влечениями – пауза, которая позволяет мысли «отдышаться», прежде чем двигаться дальше (*Donnet, Green, 2004, p. 260*), – когда этот белый цвет выходит за эти границы, стирает предшествующие и последующие репрезентации и мысли, когда наконец связи разрываются, потому что больше нечего связывать, тогда это уже не просто негативная галлюцинация, а негативная галлюцинация мысли. Клинически это выражено в негативной ипохондрии тела и особенно головы: пустая голова, психическая дыра, невозможность концентрации, запоминания, репрезентации (*Green, 2011*).

Один из самых поразительных парадоксов психического функционирования при белом психозе заключается в том, что оно вовсе не исключает интеллектуального развития (*Donnet, Green, 2004, p. 281*). Напротив, может быть создан отщепленный сектор, в котором интеллектуальная деятельность чрезмерно инвестируется, что приводит к успеху на высоком уровне. Но именно функциональная ценность этого сектора заключается в том, чтобы помочь противодействовать определенным мыслям: мышлению, относящемуся к структурам влечения.

Паралич мышления

Следствием конфигурации «хороший – плохой объект» является второй критерий белого психоза – нарушение функции мышления, а именно паралич мышления.

По мнению авторов концепции, момент зарождения психоза нужно искать именно со стороны мышления. При неврозе мысли – это мысли, которые нужно расшифровывать на языке желания, при психозе именно желание нужно записать, вписать в язык мышления, чтобы мысли могли стать мыслями желания (*Donnet, Green, 2004, p. 233*).

Как мы знаем благодаря У. Биону (*Бион, 2009*), производство мысли рассматривается как продукт отсутствия объекта. Отсутствие и недостаток порождают неприятные аффекты: в первую очередь тревогу. Репрезентация снижает тревогу, потому что она придает ей смысл: «Что это значит?» – вопрос, из которого возникает причина отсутствия груди. Ответ находится прежде всего в репрезентациях, в галлюцинаторной реализации желания как решения поставленной проблемы. Грин писал, что мыслить – это принять к сведению сепарацию с объектом, а не истощать себя, пытаясь воссоздать его присутствие. Но в случае постоянного присутствия или же недостаточного присутствия объекта не-грудь нужно изгнать из себя, мысль приравнивается к объекту и эвакуируется как плохой внутренний объект.

Грин и Донне, говоря о параличе мышления при белом психозе, опираются на концепцию пространства одиночества Винникотта (*Д. В. Винникотт, 1958*). Вследствие того что плохой объект, вторгающийся, вызывает как бредовое ощущение влияния и воздействия, так и не позволяет оформиться депрессии по хорошему объекту, в обоих случаях, как в случае хорошего, так и плохого объекта, нет пространства одиночества.

Плохой объект постоянно занимает психическое пространство субъекта и вынуждает бесконечно контринвестировать его за счет проективной идентификации, что истощает Я. Никогда не отсутствуя, объект не может быть помыслен.

Винникотт создал понятие «потенциального пространства» между матерью и ребенком как площадки для игры, ничейной земли, колыбели фантазии. Неспособность создать это пространство, в котором закрепляется идентичность субъекта, может быть объяснена невозможностью триангуляции. Отношения остаются дуальными, потому что два персонажа в первосцене – только один, разделенный на две части. И зеркально организованный субъект не уходит со сцены, чтобы сорганизоваться в отношениях, но сливается в расщепленном единстве, без какого-либо следа расщепления. Другой – это он сам, такой же расщепленный, но никогда не остающийся в одиночестве (*Donnet, Green, 2004, p. 285*).

Грин и Донне описали механизм процесса дезинвестирования мышления, приводящего к параличу мышления.

Согласно гипотезе, работа по дезинвестированию происходит в два этапа: сначала вторичное вытеснение будет стремиться уничтожить содержание фантазма, не искажая его, а пытаясь стереть его, эта попытка, если она может быть успешной (успешное вытеснение), также может потерпеть неудачу в том случае, если Оно отказывается от этого вытеснения. Возвращение вытесненного теперь возвращает фантазм без содержания, то есть контейнер предыдущего фантазма, без содержания. Затем первичное вытеснение нападет на этот контейнер без содержимого, чтобы, в свою очередь, уничтожить его. Когда оно преуспевает в этом, тогда возникает ощущение пустоты, дыры.

Рамка фантазма без содержания (контейнер без содержания) замыкается на пустом каркасе части психического аппарата. Он больше не обводит контур, но делает пустоту явной, представляя ее как отсутствие репрезентации. Это негативная галлюцинация мысли, переживаемая как пустота мысли, ядро пустого пространства, из которого она может распространяться шаг за шагом, подобно кругам на воде от брошенного камня.

Здесь возможны два выхода: субъект либо поселяется в дыре, как в своем доме, и это путь к психозу без бредовой симптоматики; любые попытки заполнить дыру эвакуируются; или необходимость реинвестировать потерянный объект (и соответствующую ему часть Я) вызывает тревогу, тогда из тревоги рождается квазиобъектное реинвестирование в неореальность бреда (*Donnet, Green, 2004, p. 281–282*).

Таким образом, паралич мышления наступает вследствие дезинвестирования мышления и невозможности создания пространства одиночества: в топических терминах мы видим, что деструктивные влечения нападают на Я и на мышление как на его продукт, а Сверх-Я нападает на Я потому, что нельзя ни желать разрушить плохой объект, ни горевать о хорошем.

Хороший, недоступный объект не удастся ввести внутрь психического пространства на долгий срок, потому что либо его недостаточно, либо плохой объект устраняет сразу же его присутствие. Но даже если плохой

объект сдаст свои позиции, то это пространство лишь на короткое мгновение будет в распоряжении хорошего объекта, после этого наступит пустота, оно окажется безобъектным, потому неустранимость плохого объекта вызвана не столько желанием его контролировать, сколько страхом, ужасом пустоты. Этот конфликт приводит к тому, что хороший объект идеализируется, практически обожествляется, обида и злость на него отрицаются, его нужно сохранить во что бы то ни стало, сохранить чистым, держать его как можно дальше от плохого объекта, с другой стороны, присутствует навязчивое, жестокое, почти дьявольское преследование плохим объектом, любые чувства к плохому объекту, необходимость в нем, прошлое с таким объектом негативируются.

Вследствие невозможности амбивалентного отношения нарциссизм субъекта попадает в тиски плохого объекта, Я расщепляется на хорошее и плохое, затрагивается сам процесс субъективации.

Фантазм первосцены

Хороший объект позволял мыслить, когда в краткие мгновения позволял приблизиться к себе, позволял субъекту питаться им, поэтому его отдаленность, его отсутствие станут поводом для начала мышления в форме репрезентации, но это еще не мысли в качестве размышления о значении этого объекта. Этому «эмбриональному мышлению» мешает развитый мыслительный аппарат то, что связь между хорошим объектом и плохим объектом никогда не устанавливается, они лишь копируют друг друга. Строгое, ригидное расщепление стремится помешать установлению связи, контакту между хорошим и плохим объектом. Тогда возникает фантазм первосцены, о которой невозможно помыслить, потому что в этом совокуплении плохого объекта и хорошего объекта произойдет как загрязнение хорошего объекта плохим объектом, так и в крайнем случае разрушение хорошего объекта плохим объектом ввиду того, что идеализация хорошего объекта не может победить преследование плохого объекта, поскольку преследование является лишь тенью идеализации.

Иными словами, расщепление сопровождается отрицанием малейшей связи между этими двумя объектами, которым не суждено встретиться (*Donnet, Green, 2004, p. 284*).

Депрессивные ощущения таких пациентов рассматриваются авторами как пустота, близкая к эссенциальной депрессии: выражение деструктивных влечений, атакующих процесс связывания. Она меньше связана с понятием вины или стыда – кажется, она не имеет карательного значения, как при депрессии, – но скорее она направлена на процессы связывания, поскольку они осуществляют функцию пробуждения осознания реальности.

Таким образом, при белом психозе характерны атаки на мысли, обширные негативные галлюцинации мысли, иными словами, осуществляется атака на аппарат думания мыслей в ситуации, когда эти мысли как травмирующие репрезентации невыносимы. Белизна стирает репрезентации

и разрывает связи. Происходит переход от временной негативной галлюцинации к более длительному состоянию белого психоза. Дюпарк (*Duparc, 2020*) отмечает, что белый психоз является источником и инверсией галлюцинаторного психоза и представляет собой наиболее развитую и наиболее продолжительную форму переживания комплекса мертвой матери и негативной галлюцинации, вторгающихся в психическое функционирование

Случай Z

А. Грин и Ж.-Л. Донне рассмотрели понятие белого психоза, опираясь на случай психоаналитической консультации в общей психиатрической клинике, который они выбрали из многих других подходящих для описания их концепции, именно из-за той яркости белизны в его функционировании и из-за наглядного подтверждения характеристик белого психоза.

Z – высокий молодой человек в темных очках, ему 24 года, длинные волосы, спадающие на плечи, сдержанные жесты и невозмутимость придают ему немного «хриstopодобную» внешность, по словам авторов.

Первое, что говорит Z: «Тогда, вот, уже, во-первых, с самого начала, была одна семейная проблема в том, что ... я не [есть] от того же отца, эм... Мы были, ну, это, знаете ли, это сложно, вот, моя мать переспала со своим зятем, и это я, ребенок этого. Тогда, с самого начала, это было скрыто, очевидно, потому что эта ситуация была ... и я.., законный муж моей матери меня признал, и это привело к двум разводам, дочери, очевидно, с ее... мужем, и матери ... с ее законным мужем ... Посмотрите на эту ситуацию для меня» (*Donnet, Green, 2004, p. 34*).

Авторы отмечают, что пациент Z добровольно госпитализировался в больницу, где и проходило интервью, во время которого он дважды обращает внимание на тот факт, что законный муж матери после свершения женой измены признал Z своим сыном, став, как говорит Z, «отцом по имени», что подтверждает намерение семьи скрыть произошедшее.

Таким образом, в семье Z был наделен особым статусом еще до своего рождения, он ребенок двойной измены, инцеста, – хоть и не в прямом смысле этого слова – он еще до рождения стал причиной двух разводов, ссоры внутри семьи. Он – дитя этого.

Мы можем лишь предположить, как ощущала себя мать, и фантазировать о ее психической структуре, матери, которая, во-первых, имела сексуальный контакт с мужчиной вдвое младше ее, находясь на момент измены уже «в возрасте бабушки», во-вторых, с мужчиной, являющимся мужем ее дочери. Это привело к тому, что после такого адюльтера ее покинул не только законный муж, оставив с восемью детьми, многие из которых, правда, уже выросли, но также и отец Z, ее зять, который вынужден был уехать и никогда не появлялся в жизни своего сына.

Разве мы можем не думать о том дезинвестировании Z и сегрегации внутри семьи с самого рождения, быть может, о злости, которая была направлена на него как со стороны матери, так и со стороны братьев и сестер?

О раннем детстве Z почти ничего не говорит. Авторы предполагают, что тут имеет место глубокая инфантильная амнезия, в том числе из-за того, что в *après-coup* пациентом контринвестируется материнская фигура.

О матери мы слышим как о фигуре недостаточно воспитывающей, она «терпела/содержала (*enduré*) меня в пороке», по неизвестным причинам он пошел в школу лишь в 9 лет. Z много говорит о том плохом влиянии, которое он испытывал со стороны матери, но не может объяснить, в чем это проявлялось.

Во время интервью Z делится своими депрессивными ощущениями: он говорит о «депрессии», которую он «влачил в течение трех лет», что он «упал до нуля», ему нужны были «моральная поддержка и утешение». Но, как отмечают авторы, его депрессия – это гораздо больше, чем изменение настроения, качественно депрессия и влияние, которое он ощущает со стороны матери и братьев, относятся к регистру психотического функционирования, о чем свидетельствует его бессилие думать, думать о своей ситуации и конфликте (*Donnet, Green, 2004, p. 228*).

Z отмечает, что его единоутробные братья и сестры не отвергали его, но стремились, по его ощущениям, сделать его похожим на них, привить ему их ценности, «сделать его своей тенью». Авторы говорят о том, что они являются возможными идентификационными моделями, но в то же время Z говорит о том, что они заставляли его делать и видеть «разные вещи», что, по мнению Грина и Донне, говорит о некоем соблазнении: обычно так говорят о чем-то, что, несомненно, связано с сексуальной распущенностью, на которую кто-то пассивно соблазняется (*Donnet, Green, 2004, p. 67*).

Мы можем рассуждать о его невключенности, неинтегрированности в семейную среду и предполагать, что все его братья и сестры, возможно, даже соседи, знали о тайне его рождения.

Про его подростковый возраст он говорит следующее: в 15 лет он уходит из школы; часто остается с матерью вдвоем в доме; мы узнаем, что благодаря одноклассникам он открыл для себя музыку – игру на аккордеоне, которая на несколько лет станет для него центральной инвестицией; у него есть друзья и девушки, он часто гуляет вечерами, даже встречался с девушкой с 17 до 19 лет.

После ухода из школы Z много занимается живописью и сочиняет музыку, Z обращает внимание исследователя на то, что мать гордилась его увлечениями. Он даже стал победителем конкурса аккордеонистов. Таким образом, мы думаем о сублимации, невротической защите.

Именно на пике его музыкального успеха проявляется его расстройство. Вызывающий травму эпизод, по мнению Грина и Донне, заключается в следующем: семью выселяют, и они проживают не менее шести месяцев в небольшом доме. Считается, что все сводные братья и сестры были женаты и Z оказался один со своей матерью и отчимом: все трое спали в одной комнате, «почти на полу». Примечательно, что фигуры, репрезентации матери и отчима будто застывшие, о матери мы не знаем ничего, кроме того, что «она терпела его в пороке» и «как и все, гордилась»,

отчим же, по его словам, был жестокий португалец, отсутствующий и глупый.

То, что Z обозначает как невыносимое для него в том доме – это, по мнению авторов, треугольный «промискуитет»², который повлек актуализацию фантазий, связанных с «первосценой». Он говорит, что «в нем сделали дыру», что мать и отчим мешали ему заниматься музыкой (*Donnet, Green, 2004, p. 70*).

Далее мы узнаем о его знакомстве с дирижером: речь идет о ком-то, с кем он работал, очень дружелюбном, добром человеке, у которого он проживал, видимо по случаю работы, два месяца. Здесь наш пациент обнаруживает другую атмосферу: дирижер и его жена испытывают к нему симпатию, он чувствует себя хорошо, и это ему помогает оправиться от депрессии. После он возвращается домой и, основываясь на том, что он только что пережил, понимает, что его дом, его мать и отчим, – тут все не так. Он говорит, что не нашел работу и что именно в поисках ее он в последний раз вернулся в дом матери. Именно в этот раз он решает расспросить ее об отце, об истории, «о которой он всегда смутно слышал» (*Donnet, Green, 2004, p. 74*), но, как видно из интервью, он спрашивает лишь его адрес.

После того как Z находит своего кровного отца, с ним происходит нечто похожее на жизнь с дирижером – прожив три месяца со своим отцом, он «приходит в себя»: его мысли приобрели ясность, он чувствует себя расслабленным, утешенным, с каждым днем в доме отца ему становилось все лучше.

Таким образом, контекст его первой по хронологии «депрессии» представляет собой травматический треугольный «промискуитет» с матерью и отчимом, а роль дирижера как поддерживающего его стремления к идентичности позволяет Z расспросить мать о том, что он «всегда смутно» знал: о своем кровном отце. Мы можем думать о дирижере как о переходном объекте, который заменяет сводных братьев, съехавших еще до травмирующего эпизода, и как бы анонсирует появление отца, которого можно рассматривать и как отца, и как старшего брата в силу возраста, ведь он на 20 лет младше матери Z.

При общении с исследователем Z будто поддерживает контекст спасительной роли отца, приписывая свои нынешние проблемы и болезнь только простым семейным обстоятельствам, но в то же время он впадает в депрессию, которая связывает между собой депрессию до и депрессию после раскрытия этой тайны.

Авторы отмечают, что в психике Z будто есть два противоположных движения: с одной стороны, откровение имеет эффект освобождения за

² La promiscuité – во французском языке это понятие скорее выражает следующее: ситуация, в которой кто-то подвергается неприятному соседству; само соседство, здесь и далее, – это «слишком близкое соседство с избыточной и беспорядочной/инцестуальной сексуальностью других». По-русски промискуитет (от лат. *prōmiscuus* – «без разбора», «общий») – беспорядочная, ничем и никем не ограниченная половая связь со многими партнерами.

счет переоткрытия отца, с другой – оно лишь подтверждает ту печальную судьбу, которая была ему уготована изначально (*Donnet, Green, 2004, p. 35*).

Во время интервью мы видим, что Z устанавливает радикальный разрыв между двумя семьями своих братьев и сестер (детей отца и детей матери), в то же время он категорично отделяет мир отца от мира матери и полностью противопоставляет эти пары, не в состоянии объяснить, будто не имея репрезентаций, опираясь лишь на свои «ощущения». Такой искусственный, сильный разрыв внутри Z будто заменяет тот, который должен был существовать между двумя парами: этот разрыв, олицетворяющий разницу поколений, защитил бы законные союзы от развода, произошедшего в каждом из них.

Как пишут авторы, «для Z между его существованием и его идентичностью почти существует некое противоречие: его существование подразумевает, по сути, отсутствие идентичности; а его идентичность, в пределе, – отсутствие существования» (*Donnet, Green, 2004, p. 85*).

После «обретения» отца Z массивно дезинвестирует все то, что было до момента откровения: его мать, его братья (по матери) наделяются исключительно плохими качествами, его самые личные и самостоятельные действия (музыка, рисование) тоже оказываются виноватыми потому, что связаны с матерью, с этой семьей, с прошлым, которое он презирает. Он осуждает не только их негативные аспекты, не отсутствие вовлеченности, быть может, любви, но осуждается это влияние, которое он испытывал на себе, сама сущность взаимодействия с ними.

Семейная конфигурация ставит теперь под сомнение его первичную идентификацию, в которой он отделился от матери и обрел первичную триангуляцию, разницу поколений, поскольку в реальности это различие подвергается нападению. Основная часть его расстройств, по мнению Грина и Донне, связана с любовью матери и любовью к матери – вот главное отсутствие в его речи. Именно невозможность подумать о ней, как-то преобразовать ее образ, неспособность сохранить или потерять мать, отказаться от нее, чтобы найти свою личность, – именно это и составляет основу патологического процесса.

Ключ к загадке

Оказавшись в ситуации «промискуитета», Z более явно задумывается о поиске отца, который бы отличался от всего того, что он знал всю жизнь, – это становится необходимостью для выживания.

Но пустота, которая могла бы быть на месте репрезентации отца, уже заполнена, он «всегда смутно слышал», то есть момент самого открытия не является чем-то, что могло бы иметь характеристику означающего, изменяя субъективность.

Z говорит исследователю, что спросил у матери адрес своего отца, но не расспрашивал о нем самом, будто у него нет желания узнать, что же произошло, что тогда было в отношениях матери и его отца, кто кого желал, почему отец уехал. На протяжении интервью Z не может описать его,

не может фантазировать о нем, мы ничего не знаем о том, как произошла встреча, о чем они говорили, что происходило между ними те три месяца, но складывается ощущение, что это не потому, что для него это было не важно, а для того, чтобы сохранить отца идеальным, чистым, не таким, как мать. Его незнание об отце заключается того в некий анклав, благодаря чему отсутствуют вопросы и ответы, которые могли бы связать отца с матерью во взаимном желании.

После трех месяцев проживания у отца происходит следующее: с одной стороны, опыт общения с отцом подтверждает отличие Z, усиливает его стремление отказаться от материнской среды и своих братьев, с другой стороны, идентичность отца ослабляет запрет, поскольку отец, являясь зятем, смог совершить половой акт с тещей, матерью пациента. Напомним, что у матери пациента и ее зятя была разница 20 лет. Z на момент знакомства с отцом было 23 года: разница поколений и запрет на инцест могли пошатнуться от открытия тайны рождения.

Авторы предполагают, что Z ощущает вину за все то прошлое, в котором он жил, за эти «вещи», но это может быть также его стремлением взять на себя вину отца. Его стыд перед братьями и сестрами, которые жили с ребенком «этого», вынуждают Z погрузиться в себя, он ощущает себя невыносимо рядом с матерью и своими братьями, и госпитализация, вызванная обострением болезни, – единственный выход. Побег.

Ретроспективно Z утверждает, что всегда знал ответ, относя открытие к прошлому, с другой стороны, он полностью отрезает свою личность до этого открытия, стремясь стать совсем иным. Такие два противоположных течения приводят к запрещению формулирования противоречивых репрезентаций и, соответственно, параличу мышления.

Грин и Донне отмечают, что такая невротическая проблематика, как страх инцеста, здесь отсутствует, мы имеем дело с расщеплением, а не компромиссным симптомом и возвращением вытесненного. Открытие отца расщепляется на привязанность к отцу, подъем, и паралич мышления, депрессию, вызванные открытием участия в «этом» матери – ее влечения к зятю. Открытие тайны расщепляется и приводит к расщеплению Я.

Момент, когда братья уехали, а он остался в одной комнате с матерью и отчимом, повлек за собой «депрессию», о которой говорит Z: подавление мыслей, аффектов, желаний, сублимации. В том доме, на полу, он как бы стал участником первосцены, которая возрождала не до конца установившийся запрет, и он начинает поиски «отца» – мужской фигуры, которая не участвовала бы в этом «промискуитете», которая поддержала бы контринвестирование первосцены. Как ранее его спасали братья, теперь он ищет другого «брата» – отца по крови.

Авторы говорят о том, что эта предпосылка – поиск отца в качестве брата – объясняет психотизирующий эффект открытия: ища отца, который стал бы братом в функции запрета, он находит брата (по возрасту), ставшего отцом (*Donnet, Green, 2004, p. 180*). Сам факт союза матери с зятем, который по возрасту соответствовал братьям Z, вынуждает пациента так

радикально различить отца по крови и сводных братьев, стирая то, что объединяет отца с братьями: их возраст, их функцию запрета.

Спасая образ отца, он уничтожает образ братства в его прежней субъективирующей функции. Из-за того что нужно сделать одно идеально хорошим, а другое идеально плохим, сама возможность развития отношений, обмена, как с отцом, так и с братьями, исчезает. Нужно оставлять эти анклавы нетронутыми, иначе есть риск загрязнения хорошего объекта.

Пациент говорит, что после трех месяцев у отца он «последний раз» возвращается к матери, и тогда, предполагают авторы, в ее взгляде, уже обладая открытием, он мог «прочитать желание сына» – желание того, кто годится ей в сыновья – невысказанное, невозможное, вызывающее головокружение, паралич репрезентации.

Объединяя братьев и мать, Z объединяется с отцом, с которым «разделяет» вину. Такое расщепление несет защитную ценность: он берет на себя вину отца за поступок, в котором его могли бы обвинить братья пациента, тем самым он защищает отца от них и от своего осуждения, эта «ложная вина», которую он путем идентификации забрал у отца, маскирует его собственную вину – желание матери.

Мы видим, в какие субъективные тиски попадает Z , и в топических терминах все можно сформулировать следующим образом: происходит массивная ресексуализация функции Сверх-Я сводных братьев, посредством которой психическое пространство Z оказывается раздавленным тяжестью вины. Братья и сестры теряют ту переходную функцию, которую они, казалось, выполняли для Z , теперь, когда они слиты с матерью, они не могут поддерживать триангуляцию, которая позволяла держать мать и инцестуозные желания на расстоянии.

Оправдание, очищение отца приводит к тому, что происходит расщепление Сверх-Я, в котором, с одной стороны, виновный и идеализированный отец, с другой стороны – сводные братья, невинные, но бесправные. Это расщепление приводит к значительному обострению двойной угрозы, связанной с материнским объектом:

– с одной стороны, запрет на кровосмешение на грани утраты, потому что это желание приобретает характер возможного осуществления;

– с другой стороны, вина требует абсолютно и тотально отвернуться от матери: чистый ужас инцеста, без репрезентации.

Идентификация с братьями и их запретом спасала его Я, спасала его психическое пространство, удерживала противоречивые желания, создавая чувство относительного единства и непрерывности, что позволяло Z до встречи с отцом жить относительно нормально, но попытки осмыслить тайну своего рождения и конфигурацию первосцены привели к дроблению психического пространства.

Грин и Донне предполагают, что конфигурация, в которой Z является последним ребенком своей матери и первым ребенком отца, могла сформировать особый фантазм первосцены, в котором он будто отнял материнство у своей матери, чтобы передать отцовство своему отцу, как если бы он открыл, основал, утвердил примат отцовства. Мы можем рассуждать о том, что в этой первосцене участие пациента выражается в его

функции, которой он, с одной стороны, соединяет родителей в этой первосцене, с другой – разъединяет; иными словами, происходит момент изъятия и передачи фертильности от одного к другому, и это для него будто единственная возможность организации первофантазма.

Инцестуозная фиксация, усиленная и реактивированная открытием, становится мучительным переживанием, что вызывает паралич психики и мышления, что видно из дискурса пациента.

Хороший объект, отец, обречен на идеализацию, ограничивающую, отрезающую его от той общей репрезентации, которая осталась в бессознательном и благодаря которой отец, фантазии о нем, составляли идентификационную опору. Репрезентация отца состоит из двух частей, на сознательном уровне их общая идентичность выстраивается на радикальном отличии от матери, на бессознательном уровне обретение отца говорит об их общности в плане желания матери: они оба, один годящийся ей в сыновья, другой ее сын, желают ее.

Две идентификации, материнская и отцовская, населяющие *Z*, борются друг с другом и поддерживают друг друга. Он тот, кто является единственным связующим звеном между его реинтроецированными и контролируемыми родителями, он же и гарант их вечного разрыва.

Ключ к тайне его рождения не открывает новое пространство, а кажется, закрывает доступ к мышлению и воображению. Для него жизненно важно исключить любую фантазию и любую репрезентацию матери через негативную галлюцинацию, поскольку кровосмесительные фантазии пытаются прорваться в сознание вследствие такого откровения.

Пример *Z* иллюстрирует последствия ригидного и абсолютного расщепления между идеальной идентичностью отца и деформированной репрезентацией матери: абсолют этого расщепления превращает отца в дубликат матери, но с другим знаком, что приводит к глобальной путанице, не позволяя включить внутренние объекты, первосцену в личную историю, стирает время, разрывает непрерывность. Это подразумевает, что *Z* не может построить теорию своей субъективности, которая тогда могла бы изменяться и перестраиваться.

Чтобы избежать психотической катастрофы, связанной с ужасом влечения к первичному объекту и путаницей между субъектом и объектом, устраняются, негативируются любые ссылки на архаичное материнское имаго и кровосмесительные и убийственные фантазии. Жизненно важной необходимостью для субъекта является исключение любой фантазии и любого представления, относящихся к материнскому образу, путем использования негативной галлюцинации.

Грин и Донне уделили большую часть книги «L'Enfant de ça», пять глав из шести, рассмотрению консультации пациента *Z*, раз за разом задаваясь вопросами и стараясь найти на них ответы. В настоящей статье я постаралась осуществить некий набросок этого случая, благодаря которому можно «пощупать» характеристики белого психоза.

Техника работы

Начало консультации, по словам исследователя, А. Грина, было ознаменовано массивной проективной идентификацией, которая выполняет защитную функцию и показывает, насколько случай Z заставляет собеседника усомниться в своем его отношении к запрету инцеста. Конструирование на протяжении нескольких лет в *argès-coup* смыслов этого интервью, как отмечают авторы, состояло в том, чтобы показать, что положение пациента было невозможным, несмотря на то что половые отношения между зятем и тещей не запрещены. Это невозможное состояние, по сути, связано с путаницей поколений, оно конденсирует противоположные тенденции, приводя к хаосу влечений и защите от него в виде паралича мышления и репрезентаций.

На мой взгляд, важно отметить, что авторы уделили достаточно много внимания размышлениям о том, не являлась ли пустота дискурса Z лишь сопротивлением консультации и исследователю? Но, опираясь на свой контрперенос, ощущение принуждения «оживлять» речь пациента, застывшие репрезентации и пустоты, Грин и Донне убеждаются в том, что имеют дело с параличом мышления и функции репрезентации.

При белом психозе речь идет не о том, чтобы найти потерянные мысли, а о потере того, что используется для потери мыслей, потому с точки зрения психоаналитика речь идет не о раскрытии бессознательного, но о создании мысли-языка в режиме конструкции (*Donnet, Green, 2004, p. 214*).

Авторы пишут, что отсутствие Z, обозначаемое как психотическое, отсутствие его как субъекта, желания и чувства которого были бы ощутимы, а тревоги, страдания более близки к пониманию ввиду возможности соотнести их со своими, такое отсутствие мешает психоаналитику опираться на теорию и контрперенос.

Z стоит будто на пределе между реальным и символическим, его история слишком реальна и слишком символична одновременно, потому авторы задаются вопросом: всегда ли прогресс психоанализа осуществляется через расширение символического, где реальное символизируемо, а воображаемое психически реализуемо, или же иногда требуется разрыв, вторжение реального, действие как момент десимволизации? (*Donnet, Green, 2004, p. 219*.) Здесь мы можем думать о статье Грина (*Green, 2000*), в которой, описывая центральную фобическую позицию, он предполагает, что травма при лечении такого пациента будет заключаться в самом объединении травматических элементов, которые ему так важно удерживать на расстоянии.

Как отмечают Ж. Пирло и Д. Купа (*Pirlot, Cupa, 2019*), это невыносимое происхождение приводит к ощущению пустой головы, застоя в психической жизни и депрессии без аффекта, которая и составляет ядро белого психоза, его мышление занято формулированием значений открытия отца, но проработка будто невозможна, у него присутствует постоянная тревога потери идентичности, и в отличие от психотических пациентов, которые сверхпродуцируют смыслы, в случае пациента Z мы видим их недостаток.

В статье 2011 года Грин продолжает думать о возможных сложностях в анализе таких пациентов, он рассуждает о воздействии архаичного Сверх-Я и самой структуры Я, организованных за пределами вытеснения, где часто наблюдается психическое опустынивание, которое запрещает проявление эффектов либидо, а сопровождается ощущением пустоты, потери жизненной силы тела; чувство отсутствия, не ограничивающееся не-присутствием объекта, который отсутствует. Любое отсутствие плохо переносится, вызывая замещающее присутствие. Пациент говорит, что он населен пустотой, или говорит о себе: я захвачен пустотой, я всего лишь негатив. «Он связывает свои состояния с тем, что я назвал развязыванием субъективности Я, которое может доходить до чувства аутоисчезновения (autodisparition) Я» (Green, 2011).

При работе с такими пациентами аналитик в контрпереносеотреагирует на эту пустоту усилением собственной мыслительной продукции, выработкой репрезентаций, вербальной активностью, чтобы додумать, помыслить то, что не может пациент, аналитик убегает от этого ощущения психической смерти. В интервью мы также видим, как исследователь после каждой паузы все с большим рвением начинает «добывать информацию», вследствие чего последняя треть интервью напоминает скорее диалог, где слова пациента рассматриваются скорее как вещи, факты, не позволяющие мыслить о них.

Попадая в ловушку этой пустоты, аналитик может стараться придать значение, установить связи, что может ощущаться пациентом как вторжение плохого объекта, но в случае молчания аналитика он будет ощущаться как отсутствующий, недоступный хороший объект.

Ввиду отсутствия пространства одиночества, переходного пространства, которые позволили бы сформировать внутренние амбивалентные объекты, аналитику следует стремиться предоставить пациенту пространство потенциального, пространства отсутствия, не пространство «это ничего не значит» или «это значит, что», а пространство «это могло бы значить», должна происходить работа как по созданию контейнера для содержаний пациента, так и созданию содержания для контейнера, но при этом не надо забывать о гибкости и многозначности смыслов (Грин, 1975).

Вывод

Таким образом, мы можем выделить следующие характеристики белого психоза.

1. Белый психоз представляет собой матричную структуру, условие возможности психотического развития, которую, можно рассматривать и как некую защитную структуру. Цель ее состоит в бегстве (спасении) от хаоса влечений, возродившихся вследствие травматических событий. В этом случае возможно обратиться к понятию психотической потенциальности («пуповина психоза»), в которой особенности развития психики субъекта – его мышление, работа негатива, внутренние объекты – составляют

особую конфигурацию, которая в случае травматических событий, за счет стирания психической продукции и разрывания связей, приводит к опустошению психического аппарата, парадоксальным способом пытаюсь спасти его.

2. Первой характеристикой, фундаментом белого психоза, является триби-ангуляция: эдипальная организация, лишенная половой, сексуальной составляющей, в которой родители распознаются исходя из их качества, дуальности «хороший – плохой», третий отсутствует в таком треугольнике. Отец – лишь перевернутый двойник матери и наоборот.

3. Чрезмерное присутствие плохого объекта и нехватка хорошего не предоставляют пространство одиночества, вследствие чего не могут быть созданы многоуровневые, амбивалентные репрезентации объектов.

4. Из-за необходимости удерживать хороший и плохой объект на расстоянии друг от друга, сохраняя хороший объект исключительно хорошим, наступает паралич мышления, цель которого – разорвать возможные связи между ними.

5. Расщепление объектов приводит к расщеплению Я и сопровождается отрицанием малейшей связи между двумя родительскими объектами, которые обречены не встречаться. Из-за давления, налегания объектов на субъекта он оказывается раздвоенным между плохим Я и хорошим, причем хорошее Я постоянно захвачено плохим.

6. Дезинвестирование мышления приводит к негативной галлюцинации мысли – пустоте, в которой субъект поселяется, эвакуируя любые мысли и репрезентации, способные ее заполнить, чтобы избежать психотической катастрофы, связанной с влечением к первичному объекту и путаницей между субъектом и объектом.

7. Внешне это может быть выражено в пустоте мыслей, ощущении пустоты в голове, неспособности ассоциировать, концентрироваться, размышлять. Все это помогает субъекту убежать от плохо проработанных примитивных влечений, которые стараются подчинить себе Я.

8. Роль внешних объектов показывает, что субъект продолжает инвестировать, в отличие от психотиков, в поле реальности в смысле разделения общепринятых чувствительных иллюзий восприятия. Такие субъекты могут иметь довольно высокий интеллект, но эта мыслительная деятельность отщеплена от аффектов и имеет своей целью бегство от влечений, но в конечном счете влечение приводит к белизне, к ощущению пустоты.

9. Депрессия в таких состояниях рассматривается как пустота, нарушающая и замещающая процессы связывания, и имеет эссенциальный характер.

10. На основании характеристик, находящихся в нашем распоряжении, исходя из бедности репрезентативной жизни из-за расщепления Я, дуальности «плохой и хороший объект» в отношении родительских фигур, мы можем предположить, что перенос может быть либо проявлен в «обнаружении» плохого объекта в лице аналитика, либо же вообще отсутствовать в смысле наделения аналитика какими-то качествами первичного объекта; вполне вероятно, что негативная симптоматика, отбеливающая

ассоциативный процесс, разрывающая связь слова и аффекта, будет долгое время мешать установлению истинного переноса из-за дезинвестирования объекта-аналитика.

11. На протяжении всей книги авторы обращаются к своему контрпереносу при работе с пациентом Z, который, казалось, бросал вызов аналитической теории и аналитическим способностям исследователя. Тот факт, что пустота пациента вынуждала аналитика заполнять ее, задавать много вопросов, которые в конечном итоге свелись к добыванию сведений, а не следованию ассоциативному процессу, может указывать на то, что в контрпереносе при столкновении с пустотой возникает невыносимое чувство, от которого можно скрыться лишь благодаря сверхпродуцированию репрезентаций, смыслов, связей.

На наш взгляд, именно в диагностике белого психоза на первичных сессиях состоят главные сложности ввиду адаптированности этих людей к социуму, нередко их высокого интеллектуального развития, присутствующих невротических защит и кажущихся невротическими симптомов.

Цель данной статьи – дать российским специалистам возможность глубже ознакомиться с темой белого психоза, снабдив их знаниями для выявления этой матричной психотической структуры, терапия которой будет иметь ряд особенностей.

Но можно увидеть здесь и некое противоречие: с одной стороны, зная об этой концепции, можно «дуть на воду», ожидать от каждого пациента проявления такой организации и продуцировать те смыслы, которые не присутствуют у пациента, предлагая ему терапию один раз в неделю вместо трех раз на кушетке, то есть усматривать вместо сопротивления – фобию, паралич мышления, вместо расщепления – три-би-ангуляцию и т. д. С другой стороны, в случае белого психоза сама работа с переносом, работа, выстроенная на свободных ассоциациях, классический кадр в лучшем случае не приведут к результату, в худшем – пробьют дополнительные бреши в защитном панцире этой организации, вызвав различные углубления симптоматики, вплоть до анемии мышления и аутоисчезновения.

Но, возможно, наши опасения напрасны, поскольку все психоаналитическое обучение строится на том, что специалисты изучают множество теорий и концепций, благодаря которым во время сеансов и супервизий могут выстраивать в своей голове уникальный узор психического функционирования именно этого пациента, не редуцируя его до «случая из книжки».

Также мы задаемся вопросом, вследствие малого количества материалов по лечению таких пациентов: насколько аналитическая ситуация, терапевтическая эффективность психоанализа в состоянии заполнить пустоты белого психоза? Иными словами, насколько возможно излечение таких больных, постепенное перемещение их в регистр пограничного функционирования ближе к невротическому полюсу, чем психотическому?

На наш взгляд, концепция белого психоза занимает важное место в психоаналитической нозографии и требует дальнейшего изучения, дифференциации и проработки технических рекомендаций, адаптированных под российские условия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бион У. Р. Элементы психоанализа / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2009. 127 с.
2. Винникотт Д. Способность быть в одиночестве // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. Т. 4. С. 39–45.
3. Donnet J. L., Green A. (1973). L'enfant de ça : Psychanalyse d'un entretien: la psychose blanche / Jean-Luc Donnet, André Green. Paris : Éd. de Minuit, 2004. P. 350.
4. Duparc F. Le travail sur le négatif chez André Green. De la mère morte à la psychose blanche. [Электронный ресурс] // SPP Groupe Nord – Psychanalyse Lill URL: <https://www.groupenord-spp.fr/2020/02/15/le-travail-sur-le-negatif-chez-andre-green/> (дата обращения: 12.04.2022).
5. Green A. (1975). The Analyst, Symbolization and Absence in the Analytic Setting (On Changes in Analytic Practice and Analytic Experience) – In Memo // International Journal of Psycho-Analysis. 1975. Т. 56. P. 1–22.
6. Green A. (2000). La position phobique centrale: avec un modèle de l'association libre // Revue française de psychanalyse. 2000. Т. 64. №. 3. P. 743–771.
7. Green A. (2011). Les cas limite. De la folie privée aux pulsions de destruction et de mort. Revue française de psychanalyse, 75. P. 375–390.
8. Pirlot G., Cupa D. «Chapitre 8. La psychose blanche», Approche psychanalytique des troubles psychiques. sous la direction de Pirlot Gérard, Cupa Dominique. Dunod, 2019. P. 104–106.

White Psychosis: Following in the Footsteps of A. Green and J.-L. Donnay

A. S. Blagova

Blagova Anna S., Master of Psychology (HSE), psychoanalytic psychotherapist.

Despite the fact that the concept of Blanche psychosis by Andre Green and Jean-Luc Donnet was created and founded more than 50 years ago, and that in French psychoanalysis such masters as Alain Gibault, Denis Ribas, Vasilis Kapsambelis participate in the psychoanalytic training of Russian specialists, we mean by talking about white psychosis, in Russia is a concept less.

To date, the fundamental work on white psychoses has not yet been translated, there are no scientific articles, and therefore for Russian specialists such a nosographic unit as white psychosis may be lost.

In this article, I have tried to study the characteristics of White psychosis as much as possible, following the authors of the concept, relying on case Z, which, in my opinion, will help bring the reader closer to a systematic understanding of the concept of White psychosis.

Keywords: white psychosis, psychotic potentiality, triangulation, negative work, thinking paralysis, alienation, loneliness space, foreground, negative hallucination of thinking.